

Словаки на Восточном фронте (Западная Украина. 1941 г.)

Abstract:

Maryina V.V. *Slovaks at the Eastern Front (Western Ukraine, 1941).*

The article describes the participation of the Slovak Army in the War on the Soviet-German (Eastern) Front during the summer of 1941; impressions of the Slovaks on the situation in Western Ukraine and the attitude of its population; actions of NKVD on the eve of the war and during its first days; activities of Ukrainian nationalists (OUN) in the territory occupied by Germans.

Ключевые слова: СССР, Германия, Словакия, Западная Украина, советско-германский фронт, словацкая армия, НКВД, Организация украинских националистов, репрессии.

Наряду с Германией в войне против Советского Союза участвовали Италия, Испания, Болгария, Румыния, Венгрия, а также Словакия и Хорватия. В возникновении двух последних стран (соответственно март 1939 г. и апрель 1941 г.) существенная, если не решающая, роль принадлежала Германии и Италии. В соответствии с так наз. «охранным договором», заключенным между Словацким государством и гитлеровской Германией 23 марта 1939 г., во внешней политике Братислава обязана была следовать в фарватере Берлина¹. Так и произошло: 23 июня 1941 г. Словакия разорвала с СССР дипломатические отношения, установленные в конце 1939 г. В тот же день словацкие войска вступили на советскую территорию (Западная Украина) и вместе с вермахтом приняли участие в боях на советско-германском (Восточном) фронте². Обосновывая участие Словакии в войне против СССР, её глава монсеньор Й. Тисо говорил: «Опасность с Востока грозила не только нам, но всей европейской культуре, цивилизации, социальному благополучию и политической самостоятельности европейских народов... Мы ни за что не откажемся... от участия в борьбе против большевизма, которая является и борьбой за наше государство, за наш народ»³. Официальная словацкая пропаганда, учитывая традиционные для словацкого народа русо- и славянофильские настроения и одновременно играя на его национальных чувствах, делала упор именно на антибольшевистских целях войны и необходимости защиты от «красной заразы» первого национального Словацкого государства. Этот мотив звучал и в приказе по армии министра национальной обороны Словакии и главнокомандующего словацкой армии Ф. Чатлоша 24 июня 1941 г. Словацкая армия под руководством победоносной германской армии, говорилось в приказе, «установила стальную

завесу от смертельной опасности, которая угрожала Европе и её цивилизации... Адольф Гитлер, вождь великой германской империи, правильно оценил эту опасность и приказал своей армии ликвидировать её в Европе, а несчастному русскому народу дать свободу... здесь речи нет ни о борьбе против русского народа, ни против славянства... В этой борьбе, результат которой совершенно ясен, лучшее будущее в новой Европе найдет и русский народ»⁴.

До недавнего времени об участии словацкой армии на советско-германском фронте мало что было известно. Почему? Очевидно считалось неэтичным копаться в историческом прошлом государств-членов социалистического содружества, свидетельствующем о их военном противостоянии с советской страной. В послевоенной историографии, как чехословацкой, так и советской, первой Словацкой республике (1939-1945 гг.) почти не уделялось внимания. Достаточно сказать, что, например, в советском Энциклопедическом словаре 1989 г. о ней вообще не упоминалось. Еще во время войны она было заклеяна как «клеро-фашистское» государство, и этого, казалось, было достаточно, чтобы, признавая факт его существования, не заниматься его историей. Об участии словацкой армии в войне против СССР если и говорилось, то только в плане нежелания её солдат и офицеров сражаться против Красной Армии, об их русо- и славянофильских настроениях, переходе на сторону советских войск и партизан. Несомненно, было и это, особенно после окончательного перелома в войне в 1943 г., но было и другое, о чем предпочитали не говорить. «Заговор молчания» был прерван после 1989 г., и особая заслуга в этом принадлежала директору словацкого Института военной истории Й. Быстрицкому, базировавшему свои исследования как на материале словацких, так и российских архивов⁵. В 2000 г. Военно-исторический институт Министерства обороны Словакии и Институт истории АН Словацкой Республики провели международную научную конференцию на тему «Словакия и Вторая мировая война», с докладом на которой о действиях сухопутных сил словацкой армии на советско-германском фронте выступил Й. Быстрицкий⁶. Словацкими историками рассматривались и другие аспекты включения вооруженных сил СР в войну на Восточном фронте⁷. Появились и монографические исследования на эту тему, основанные на широкой источниковой базе и, прежде всего, на материалах словацких архивов⁸.

Активно историей первой Словацкой республики и участия её армии в сражениях на территории СССР занимается также словацкий Институт памяти народа, созданный в 2002 г. Публикуются документы, мемуары и дневниковые записи солдат и офицеров, письма с фронта, списки погибших, дезертиров, пленных⁹. Об одном из таких документальных изданий и пойдет

речь. В 2009 г. Институт издал сборник документов под названием «Соприкосновение с большевизмом. Документы словацкой военной разведки. 1940–1941» (составитель и автор предисловия Мартин Лацко)¹⁰. В сборник, состоящий из трех частей, включены протоколы допросов беженцев из Западной Украины (1940–1941 гг.); свидетельства о пребывании словацкой армии на этой территории (июнь-август 1941 г.); сообщения о влиянии вестей с фронта на состояние словацкого общества. В приложении даны карты и фотографии. Что касается названия сборника, то оно представляется несколько спорным. И вот почему. Под термином «большевизм», употребляемым тут явно в негативном значении, понимается совокупность политики советской власти и методов проведения этой политики в Западной Украине (ЗУ). Но только ли с результатами деятельности советской власти соприкоснулись словацкие войска на этой территории? Прежде в течение длительного времени она входила в состав Австро-Венгерской империи, затем Польши. Частью СССР (УССР) ЗУ официально стала в ноябре 1939 г. Вряд ли можно утверждать, что до того всё здесь было прекрасно. Еще с прежних времен в ЗУ сохранились межнациональные (поляки – украинцы – евреи), межконфессиональные (католики – православные – униаты) и, естественно, социальные (классовые) антагонизмы. После установления советской власти, просуществовавшей в ЗУ менее двух лет, эти противоречия никуда не исчезли, а в сложной обстановке 1939–1941 гг. еще и обострились в связи с недовольством части населения новой властью. Кроме того, следует иметь в виду, что и без того сложная ситуация усугублялась действиями польского и украинского националистического подполья, преследующего свои цели. Если первое практически прекратило существование к концу 1940 г., то второе (Организация украинских националистов – ОУН - во главе со С. Бандерой), связанное с Абвером, активизировалось перед нападением нацистской Германии на СССР, а затем оуновцы вышли из подполья. Наконец, нельзя забывать, что «зачистку» оккупированной территории ЗУ от неугодных элементов после 22 июня 1941 г., прежде всего, от еврейского населения, проводили как оуновцы, так и немецкие оккупационные войска («зондеркоманды») при поддержке украинских коллаборационистов и так наз. украинской вспомогательной полиции (полицаев). Это происходило не только в Западной Украине, где, естественно, имелось много противников советской власти, но и в других частях Украины. Так что словаки на оккупированной территории ЗУ столкнулись не только с последствиями большевистской политики, но и действий украинских националистов и коллаборационистов, а также гитлеровцев.

Это, естественно, не умаляет ответственности советских властей за ситуацию в Западной Украине, сложившуюся ко времени её оккупации не-

мецкими, венгерскими и словацкими войсками. В частности, об этом свидетельствуют и материалы международной научной конференции, проведенной в Институте славяноведения РАН в 2009 г. и рассмотревшей различные аспекты ситуации в Западной Белоруссии и Западной Украине в 1939–1941 гг.¹¹. Дискуссия о многомерности и неоднозначности советизации и одновременной «деполонизации» этих, включенных в СССР территорий, началась уже давно и продолжается до сего времени, то набирая, то сбавляя обороты.

М. Лацко в предисловии к вышеупомянутому сборнику документов указывает, что на территории ЗУ в августе 1939 г. проживало 5,5 млн. человек, в том числе 3,3 млн. украинцев (60%), 1,6 млн. поляков (около 30%), почти 600 тыс. евреев (10%) и 40 тыс. представителей других национальностей. «Присоединение населенной преимущественно украинцами территории к советской Украине в сентябре 1939 г., - говорит Лацко, - многие украинцы воспринимали как акт исторической справедливости, как объединение народа в единой великой Украине»¹². Официальным языком в ЗУ стал украинский. Многих украинцев радовало, что кончилось время «польского владычества»: уже в сентябре 1939 г. произошли польские погромы. На присоединенной территории были проведены экономические преобразования: национализация более крупных промышленных предприятий и банков, которые находились преимущественно в руках польских и еврейских собственников, а также земельных участков более 10-15 га. Часть национализированной земли передавалась крестьянской бедноте, которая однако вскоре должна была расстаться с ней ввиду проводившейся с 1940 г. коллективизации сельского хозяйства. Начались гонения на церковь и духовенство, а также массовые репрессии против «врагов народа» и «контрреволюционеров» (предпринимателей, кулаков, служителей церкви, бывших чиновников, офицеров, полицейских, жандармов, неугодных представителей интеллигенции и пр.), которые депортировались в глубь СССР. Тюрьмы, находившиеся в ведении НКВД и УНКВД, наполнились политическим и криминальным элементом. Идейными вдохновителями и организаторами установления новых порядков в ЗУ являлись коммунисты, члены ВКП(б) и КП(б) Украины, как местные, так и во множестве прибывшие из Москвы и Киева. Сумевшие избежать депортации или опасавшиеся её бежали за границу, в частности, в Словакию. Они-то и попадали в руки словацкой военной разведки, а затем, согласно словацко-германской договоренности, передавались немецким пограничным органам¹³. В указанном сборнике документов публикуется часть сохранившихся в архивах протоколов допросов беженцев (октябрь 1940 г.). Это были молодые люди, преимущественно мелкие предприниматели и крестьяне украинской национальности греко-католического

вероисповедания (униаты). Перейдя советско-венгерскую границу и минуя Подкарпатскую Русь (Карпатскую Украину), оккупированную венграми в марте 1939 г., они оказывались в Словакии. Основной причиной, заставивших их покинуть ЗУ, являлось недовольство сложившейся там политической и экономической ситуацией: высокие налоги на частников, дороговизна, переход в руки государства не только крупных, но и мелких производственных (ремесленных) и торговых предприятий, начавшаяся принудительно-добровольная коллективизация сельского хозяйства, нехватка продовольственных и промышленных товаров в магазинах, нежелание отбывать воинскую повинность в рядах Красной Армии, преследования за национальные и антикоммунистические убеждения, опасение депортации в Сибирь и пр. Допросы беженцев проводились по определенной схеме: сначала - состояние Красной Армии и отдельных родов войск, дислокация её частей, их вооружение, строительство военных укреплений, обмундирование красноармейцев, настроения и дисциплина в армии, взаимоотношения между бойцами и командирами, затем - политическая и экономическая ситуация в ЗУ, настроения её населения, советская пропаганда. Эти сведения, скорее всего, интересовали не столько словацкую, сколько германскую военную разведку. Следует напомнить, что осенью 1940 г. близилась к завершению разработка германского плана нападения на СССР (план «Барбаросса»), который был утвержден в декабре 1940 г. Кроме того, как уже говорилось, к концу 1940 г. значительно активизировала свою деятельность ОУН(б). Подготовленные Абвером группы её членов и приверженцев проникали на территорию ЗУ, проводя там разведывательную работу, а позже террористические акты. Против оуновцев и всех, открыто выражавших недовольство существующими порядками, боролись советские органы власти, прежде всего НКВД [«Решительно преследуются украинцы, которые при польском правительстве участвовали в национальном движении»; «Украину очищают главным образом от украинских националистов»; «Среди украинского населения весьма распространён национализм, который русские всеми мерами подавляют» (с. 43, 48, 62)]. В 1940 г. прошли три волны депортаций, четвертая, самая мощная, – в июне 1941 г. В отдаленные районы СССР отправлялись не только непосредственно обвиненные в антисоветизме, антикоммунизме «контрреволюционеры», но и их семьи. Не удивительно, что среди западноукраинского населения практически не осталось тех, кто когда-то с надеждой и симпатиями относился к приходу Красной Армии на эту территорию. Допрашиваемые, например, говорили, что население теперь не верит звучавшим на митингах словам о преимуществах социализма по сравнению с капитализмом и глядит на запад, ожидая немцев как освободителей. [«Гражданское население ожидает, что Германия, окончив войну с Англией,

направится на восток и снова будет порядок»; недовольство населения в ЗУ растёт день ото дня, и оно «ожидает лишь подходящего момента, чтобы начать революцию, твердо веря при этом в немецкую помощь»; «Народ ожидает, чтобы хоть кто-нибудь освободил его от большевистского ярма, и особенно ждёт немцев»; «Население настроено против русских и желает немцам выиграть войну и освободить его от большевистского рабства» (с. 61, 62, 84, 87, 100)]. В слухах, распространяемых оуновцами, Германия представляла как страна всеобщего благоденствия, где каждый может найти работу и обеспечить свою семью. Кроме того, она прокламировалась и как сторонница воплощения в жизнь великой украинской мечты – создания самостоятельного украинского государства. Поэтому, дескать, «население тайно вступает в организацию, задачей которой является в подходящий момент поднять революцию. Всеобщее убеждение украинцев состоит в том, что в скором времени будет создана Великая Украина» (с. 58, 66, 73).

В связи с начавшейся подготовкой к войне против СССР немецкая пропаганда все настойчивее озвучивала мысль о том, что советское руководство готовит превентивное нападение на Германию. О близящемся конфликте между СССР и Германией, по словам беженцев, говорили и советские пропагандисты, утверждавшие, что сильная и мощная Красная Армия скоро двинется на запад и, наголову разбив ослабленную войной с Англией Германию и другие капиталистические страны, создаст «единое социалистическое государство», в котором, дескать, «всем будет хорошо»; «Коммунисты, якобы, утверждают, что будут воевать с немцами непрерывно, пока они будут существовать» (с. 34, 38, 47, 51, 66, 74, 77, 84, 88). Но, по словам беженцев, красноармейцы не хотят воевать, им не за что воевать, поскольку многие из них увидели, что в ЗУ и присоединённых к Советскому Союзу летом 1940 г. Бессарабии и Северной Буковине люди живут лучше, чем в СССР. «Дисциплина в армии весьма строгая, поскольку много дезертиров, которые скрываются в окрестных лесах. Деревенские им помогают, снабжают пищей». «В целом моральное состояние армии очень плохое. Советский солдат служит весьма неохотно и об участии в боях не хочет даже слышать. Очень часты дезертирства. Дисциплину в армии, как и внутри государства, поддерживает полувоенная организация НКВД» (с. 61, 66, 73, 82).

Специально допрашивались беженцы о строительстве военных укреплений на советской границе и в пограничной зоне. Их наблюдения сводились к следующему: «Приграничная зона шириной 800 метров вообще не доступна для гражданского населения. Если в эту зону попадала деревня, то её жителей выселяли, а дома сносили. Землю запахивали и боронили, чтобы можно было заметить возможные следы. При попытке без специального разрешения перейти эту линию человек получает смертный приговор»; «на

советско-германской границе ведется строительство укреплений... Укрепления в большинстве представляют сами реки Сан и Буг, а где таких рек нет, там выкапываются рвы шириной примерно 4 и глубиной 3 метра, которые заливаются водой. За этими укреплениями роются окопы, которые, по слухам, бетонированы»; «По всей длине советско-германской границы в ускоренном темпе ведутся работы по строительству укреплений, то есть устанавливаются проволочные заграждения, пока в три ряда, а также создается сеть окопов» (с. 34, 37, 46-47, 77, 82). Описание укреплений, как представляется, свидетельствовало о том, что они имели оборонительный характер, и не подтверждает версию, высказанную в предисловии к сборнику, о планируемом нападении СССР на Германию.

Беженцы утверждали, что установленные порядки в ЗУ теперь поддерживают только «чиновничество, рабочие крупных предприятий и евреи», которые, впрочем, боятся, что «их может постигнуть участь евреев в Германии и Словакии»; «Среди евреев было много предателей, которые после прихода советской армии выдавали себя за коммунистов и советских патриотов. То же самое можно было наблюдать и среди интеллигентных поляков, которые выдавали поляков, а сами объявляли себя надежными коммунистами. Чрезвычайно распространено доносительство. У советской полиции есть платные агенты». Среди служащих административных органов, по мнению беженцев, преобладали евреи, которых много также в офицерском корпусе и среди сотрудников НКВД. «Евреи всё держат в своих руках» (с. 66, 69, 82, 87, 91).

Так, по словам беженцев, выглядела ситуация в ЗУ накануне 22 июня 1941 г. В это время, как уже говорилось, в связи со слухами о близящейся войне и активностью подполья тюрьмы здесь оказались переполненными. Основанием служило постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 мая 1941 г. «Об изъятии контрреволюционных организаций в западных областях УССР»¹⁴. Помимо политических (главным образом украинских националистов) среди заключенных было много уголовников, а также лиц, арестованных за мелкие административные нарушения. 22 июня ряд командиров РККА и их семьи подверглись нападению боевиков ОУН. В некоторых населенных пунктах на направлениях ударов немецких войск произошли вооруженные столкновения, инициированные оуновцами. Части вермахта получили инструкции о поведении на оккупированной территории СССР. Еще 28 апреля 1941 г. главнокомандующий немецкими сухопутными войсками В. Браухич издал приказ «Порядок использования полиции безопасности и СД в соединениях сухопутных войск». В приказе подчеркивалось, что армейские командиры совместно с командирами специальных карательных формирований нацистской службы безопасности (СД) несут ответствен-

ность за проведение акций по уничтожению в тыловых прифронтовых районах без суда и следствия коммунистов, евреев и «прочих радикальных элементов». 13 мая 1941 г. начальник штаба верховного командования вермахта В. Кейтель издал директиву «Об особой подсудности в районе “Барбаросса” и особых полномочиях войск»: с солдат и офицеров вермахта снималась ответственность за будущие преступления на оккупированной территории СССР и предписывалось быть безжалостными, расстреливать на месте без суда и следствия всех, кто окажет хотя бы малейшее сопротивление или будет сочувствовать партизанам¹⁵. Вермахт действовал в соответствии с полученными указаниями. Тем более, что советскими властями был дан для этого повод.

В связи с нападением гитлеровской Германии на СССР тюремному начальству и органам власти 23 июня 1941 г. была направлена директива за подписью заместителя наркома внутренних дел В.В. Чернышова «План эвакуации заключенных, содержащихся в тюрьмах Западной области НКВД/НКГБ УССР». В ней детально расписывалось, кого, куда и сколько следует направить в конкретные республики и области СССР. Всего подлежало эвакуации 23236 человек¹⁶. Сколько заключенных в это время находилось в тюрьмах, сказать трудно, во всяком случае, намного больше, чем их предполагаемая вместимость. В докладной записке начальника тюремного отделения УНКВД Львовской области о ходе разгрузки тюрем от контрреволюционного, криминально-политического элемента от 24 июня 1941 г., в частности, говорилось: «С началом войны в тюрьму номер 1 поступают арестованные, которые принимаются без надлежащего оформления, в большинстве по спискам, без указания мотивов и статей обвинения, в то время, как среди них имеются активные ОУНовцы, шпионы, диверсанты и военнопленные, а также изъяты лица по массовым облавам»¹⁷. В этом же документе говорилось о расстреле особо опасных лиц в тюрьмах № 1, № 2 и № 4: всего 1808 человек. 4 июля 1941 г. Чернышов и начальник тюремного управления НКВД СССР направили Л.П. Берии «Предложения относительно разгрузки тюрем прифронтовой полосы». В документе говорилось о необходимости предоставления начальникам УНКГБ и УНКВД (совместно) и по согласованию с военными решать вопрос «О разгрузке тюрем от заключенных в следующем порядке»: «1. Вывозу в тыл подлежат только подследственные заключенные, в отношении которых дальнейшее следствие необходимо для раскрытия диверсионных, шпионских и террористических организаций и агентуры врага»; «2. Женщин с детьми при них, беременных и несовершеннолетних, за исключением диверсантов, шпионов, бандитов и так называемых особо опасных, - освободить»; «3.... осужденных за бытовые, служебные и другие маловажные преступления... использовать орга-

низованно на работах оборонного характера по указанию военного командования с досрочным освобождением (в момент эвакуации охраны тюрем); «4. Ко всем остальным заключенным (в том числе, дезертирам) применять высшую меру наказания – расстрел»¹⁸. Этот документ, датированный 4 июля, возможно, являлся обобщением практики, имевшей место в ЗУ, и действовал (если был получен своевременно) на территории Украины в границах до 17 сентября 1939 г.

Стремительное наступление частей вермахта (25 июня был взят Луцк, 28 июня – Ровно. 30 июня – Львов, 2 июля – Тернополь и венгерскими войсками - Станислав), столь же быстрое отступление советских войск, паника, хаос, характерные для прифронтовой полосы, нарушение связи, нехватка транспортных средств не позволяли проводить нормальную эвакуацию заключенных. Местное тюремное начальство (письменных приказов, директив, распоряжений, исходящих из центра, пока не обнаружено) по видимому, предпочитало в этой ситуации радикальную меру – расстрел. Тела расстрелянных не всегда даже успевали надлежащим образом хоронить, а во многих случаях просто бросали в заброшенные шахты или оставляли, наскоро присыпав землей, в тюремных дворах и подвалах. В июне-июле 1941 г. по данным составителей сборника «Западноукраинская трагедия» в 35 городах было расстреляно 22 тыс. человек, в том числе 4 тыс. во Львове, по 1 тыс. в Тернополе, Дрогобыче и Добромиле, 1200 в Самборе, 1500 в Дубно, 2500 в Станиславе, около 3 тыс. в Луцке и т. д.¹⁹. Однако, как представляется, эти данные требуют уточнения и проверки. Даже в указанном издании есть противоречия: например, в док. № 22 говорится, что во дворе тюрьмы Луцка было расстреляно не три тысячи, а около тысячи человек; в Самборе с 22 по 26 июня, по мнению польских и советских исследователей, 600-700 человек²⁰. Подсчеты зачастую велись на глазок, соответствующие документы были либо утеряны, либо уничтожены. В справке тюремного управления НКВД СССР об итогах эвакуации заключенных из тюрем НКВД-УНКВД по данным на 12 января 1942 г. значилось: всего выбыло при эвакуации по разным причинам (по учтенным данным) 42776 чел., в том числе остались не вывезенными в тюрьмах на территории, занятой неприятелем, 21504 чел., расстреляно в тюрьмах 9817 человек²¹. Здесь, по видимому, речь идет о всей Украине, и цифры, возможно, преуменьшены, поскольку говорится лишь об учтенных данных.

Следует также иметь в виду, что на территории Западной Украины в июне-июле 1941 г. вершили свое черное дело как оккупационные немецкие и венгерские войска, так и вооруженные формирования украинских националистов, вышедших из подполья. Острие ненависти было направлено против евреев, которые обвинялись в сотрудничестве с большевиками и НКВД,

ответственными за расстрел заключенных. Начались еврейские погромы, которые прокатились по всем крупным городам ЗУ, местечкам и даже деревням (всего – 35). Немецкие оккупационные власти либо не возбраняли украинским националистам чинить расправу над еврейским населением, либо сами являлись их инициаторами. Самый крупный погром произошел во Львове, куда вместе с частями вермахта вошел украинский батальон «Нахтигаль» под командой Р. Шухевича. Здесь было провозглашено украинское правительство во главе с ближайшим соратником С. Бандеры Я. Стецько, поставившее задачу «украинизировать» Украину, «зачистив» её от «неукраинских» элементов. Во время еврейского погрома (немцы позже обвиняли в этом украинцев, а те – немцев) в течение нескольких дней во Львове было уничтожено по разным данным от 4 до 7 тыс. евреев²². В немецкой да и словацкой пропаганде того времени все это выдавалось за зверства большевиков. Но Гитлер не собирался поддерживать идею создания самостийной Украины. В начале августа германские власти объявили об образовании «дистрикта Галиция» и распустили украинское правительство. Бандера и Стецько оказались в тюрьме. Ранее сформированные оуновцами отряды украинской милиции и зарождающиеся части Украинской национальной революционной армии были частично распущены, частично переформированы во вспомогательную полицию, на которую оккупанты опирались при наведении порядка.

Со всеми этими фактами и столкнулась словацкая армия, вступившая на территорию ЗУ. Работавшая на полную машину пропаганда винила во всех злодеяниях большевиков, что отчасти было правдой, если иметь в виду расстрелы в тюрьмах НКВД. Но тогда рядом с телами расстрелянных заключенных лежали и тела замученных и застреленных во время еврейских погромов, о чем свидетельствуют некоторые фотографии. Вот как описывал в своем военном дневнике увиденное в Добромиле 5 июля 1941 г. командир 1-й словацкой дивизии полковник Й. Туранец: «На пути нас весьма сердечно приветствовало местное население, в автомобиле нам бросали букеты цветов, передавали ягоды и т. д.... От местного населения мы узнали ужасные вещи о том, как большевики и евреи поубивали несколько сот человек в местечке Warz soli, примерно в двух километрах севернее Добромиле. Этим сообщениям мы не могли поверить до тех пор, пока многие собственными глазами не увидели на месте преступления ужасную картину, которую цивилизованный человек не может себе представить даже в фантазиях: примерно 600 изуродованных тел гражданских лиц, сброшенных в глубокий соляной колодец. Всё это были жители ближайших окрестностей, не согласных с большевистским режимом: поляки, украинцы, немцы, а также их жены и дети... (далее следует натуралистическое описание изуродованных тел

– В.М.). После прихода немецкой армии местные милиционеры собрали нескольких обвиненных в участии в совершенном злодеянии евреев, которые должны были тела выгаскивать и хоронить. Милиционеры также допустили бесчеловечные действия в отношении этих работавших евреев, многих из которых заживо бросили в указанный колодец, и даже наши и немецкие солдаты участвовали в этих необдуманных действиях против евреев»²³.

В документах указанного сборника много говорится о хорошем настроении личного состава словацкой армии, о её готовности к боевым действиям, о множестве захваченных пленных и трофеев, которые из-за нехватки моторизованных транспортных средств приходилось передавать немецкой армии, о благодарностях немецкого командования за службу, о радушном приеме словаков местным населением²⁴. Снова и снова приводились факты обнаружения изуродованных тел в местах массовых захоронений. В Дрогобыче, например, 1 июля 1941 г. во дворе «здания полиции из глубокой шахты были извлечены тела приблизительно 1000 украинцев, которых большевистская армия при отступлении поубивала и изуродовала самым зверским способом... Все эти жертвы на основе доносов местных евреев были выданы советской армии и умерщвлены. После вступления нашей и немецкой армии в город местное украинское население приняло меры против еврейских доносчиков»²⁵, что, по сути, означало: устроило еврейский погром. Сообщалось о случаях участия словацких солдат в этих погромах²⁶. В донесении командира 2-й дивизии полковника А. Малара от 23 июля 1941 г. говорилось, что в деревнях близ Самбора «дело дошло до многих недозволенных действий», местными украинскими милиционерами было убито несколько евреев. О бесчинствах украинской милиции, причем не только против евреев, но и против поляков, свидетельствуют и другие документы²⁷. В донесении министерству национальной обороны Словакии, датированном 25 июля 1941 г., значилось: «Ненависть населения по отношению к евреям огромна. В некоторых местах население после отступления большевистской армии вынесло смертный приговор евреям... Согласно различным проверенным и непроверенным сообщениям местное украинское население использовало беспорядочное отступление большевистской армии для того, чтобы отомстить активным членам коммунистической партии, которые после ухода большевиков остались дома. Есть сообщения, что в Дрогобыче, Львове и Самборе украинцы убили сотни евреев, русских и поляков. О каком числе убитых идет речь, выяснить не удалось»²⁸.

В этом же донесении характеризовалось и отношение населения к оккупационным войскам: «Население хорошо относится к словацким войскам. Но нельзя сказать, чтобы украинское, польское или русское население сильно радовалось или проявляло расположенность к словацкой или немецкой

армии... В целом следует подчеркнуть, что украинцы, хотя сначала и проявляли определенную радость в связи с освобождением от большевиков, в последнее время ведут себя осторожно и, как представляется, занимают выжидательную позицию. Инициативное активное сотрудничество с немецким или словацким командованием со стороны населения [наблюдается] очень редко. И, наоборот, кажется, что в Дрогобыче среди независимого населения (скорее всего, имеется в виду поддерживающее идею самостийной Украины – В.М.) появляется недовольство оккупацией края немецкими и словацкими войсками. Речь идет об антинемецкой и антисловацкой пропаганде со стороны евреев и коммунистов... Среди украинцев есть с ненавистью вззирающие на увоз немецкими или словацкими частями [разных] материальных ценностей. Почти возле каждой казармы, склада или другого важного объекта как бы случайно стоит ведущий наблюдение украинец. Кем он послан или кому передает результаты наблюдения, не выяснено. По всей видимости, речь идет о внутренней организации, которая более или менее самостоятельна и ожидает дальнейшего развития событий»²⁹. Итак, если до 22 июня 1941 г. в ЗУ существовало только антисоветское, то теперь появилось и антинемецкое политически разноразно ориентированное подполье.

Примечания

¹ См. подробнее: Марыня В.В. Словакия в политике СССР и Германии // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 1999. С. 198-240; она же. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Кн. 1. 1939–1941 гг. М., 2007. С. 292-328.

² См. подробнее: Марыня В.В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. М., 2009. Кн. 2. 1941–1945 гг. С. 33-50; она же. Словакия в войне против СССР. 1941–1945 годы // Новая и новейшая история. 2011. № 4. С. 35-53.

³ Pokus o politický a osobný profil Jozefa Tisu. Bratislava, 1992. S. 233.

⁴ Цит. по: Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Уголовное дело по обвинению б. главнокомандующего словацкой армии Чатлош Фердинанда, арх. № Р-18761. Т. 1. Л. 66-68.

⁵ Bystrický J. Rýchla (1. pešia) a Zaisťovacia (2. pešia) divízia vo vojne proti Sovietskemu Svazu (1941-1943) // Armáda v dejinách Slovenska. Bratislava, 1993. S. 115-140; idem. Ťaženie slovenskej armády na východnom fronte r. 1941 // Vojenská história. 1998. N 2. S.39-61; idem. Zaisťovacia divízia na okupovanom území Ukrajiny a Beloruska. I (september 1941 – november 1942) // Vojenská história. 1999. N 4. S. 29-54; idem. Zaisťovacia divízia na okupovanom území Ukrajiny a Beloruska (november 1942 – október 1943).II // Vojenská história. 2000. N 3-4. S. 35-52; idem. Vojenský príspevok Slovenska k vojnovému úsilíu nacistického Nemecka v poslednom roku druhej svetovej vojny // Koniec druhej svetovej vojny a problémy cirkevnej politiky v nasledujúcom období. Bratislava, 2006. S. 9-25 etc.

⁶ Slovensko a druhá svetová vojna. Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie v Bratislave 29-31. mája 2000. Bratislava, 2000. S. 191-216.

⁷ Mečianik P. Vstup Slovenskej republiky do vojny proti Sovietskemu zväzu // Slovanský prehľad. 2004. N 2. S. 221-247; Rajlich J. Tatranskí orli nad Kubáni. Praha, 2002; idem. Stihací letka 13

slovenských vzdušných zbraní na východní frontě v letech 1942–1943 // Historie a vojenství. 2001. N 2, 3. S. 277-309; 501-537; Francev V. Utočná vozba slovenské armády 1939-1944 // Historie a vojenství. 1997. N 2. S. 98-130.

⁸ Lacko M. Dezercie a zajatia prislušnikov zaist'ovacej divizie v ZSSR v rokoch 1942-1943. Bratislava, 2007; Mičianik P. Slovenská armáda v ťažení proti Sovietskemu zväzu (1941-1944). I-IV. Banská Bystrica, 2007, 2008, 2009, 2012.

⁹ Помесячные списки дезертиров и пленных словацкой Охранной дивизии в 1942-1943 гг. опубликованы, например, в указанной книге: Lacko M. Dezercie a zajatia... S. 249-306.

¹⁰ Dotyky s bolševizmom. Dokumenty spravodajstva slovenskej armády 1940–1941 /Ed. M. Lacko. Bratislava, 2009. Не могу не указать, что совершенно безосновательно в предисловии к сборнику утверждается, что Советский Союз в 1939 г. имел намерение оккупировать Подкарпатскую Русь (Закарпатье). М. Ласко ссылается при этом на беседу советского посланника в Словакии Г.М. Пушкина с министром иностранных дел Словацкой республики Ф. Дюрчанским 8 июля 1940 г. (источник не указан). Известные мне документы Архива внешней политики Российской Федерации (далее: АВП РФ) позволяют утверждать, что именно словаки в то время были заинтересованы в том, чтобы СССР «занял» Закарпатье, которое оккупировала Венгрия, и обратились с этим вопросом к Пушкину и другим работникам советского полпредства. СССР, хотя и не прочь был иметь Закарпатье в своем составе, тогда по многим соображениям не мог себе этого позволить. (АВП РФ. Ф.138б. Оп. 4. П. 2. Д. 3. Л. 138, 143, 177. См. также: Марьина В.В. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. М., 2003. С. 15-16). М. Ласко, ссылаясь на некоторых российских и западных историков, а также субъективное мнение отдельных лиц (например, надпоручика словацких саперных войск К. Кристена), утверждает, что СССР был готов к превентивному удару по Германии летом 1941 г., оставляя без внимания многочисленные работы российских историков, доказательно опровергающих это.

¹¹ Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы. СПб., 2011. См. статьи: В.К. Баран (об экономических преобразованиях), Е.Ю. Борисенко (о кадровой политике советской власти), К.Е. Науменко (об отношении населения к процессам советизации), И.И. Ильющин (об анисоветском подполье и действиях НКВД).

¹² Dotyky s bolševizmom. S. 16.

¹³ Ibid. S. 19.

¹⁴ НКВД – МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956). Сб. документов. М., 2008. Док. 10. С. 36.

¹⁵ Новый фундаментальный труд о Великой Отечественной войне // Новая и новейшая история. 2012. № 6. С. 18.

¹⁶ Документ опубликован со ссылкой на Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ. Ф. 9413. Оп. 1. Д. 21. Л. 21-23) в книге: Запдноукраїнська трагедія 1941/Західноукраїнська трагедія 1941. Сб. документов. Львов-Нью-Йорк, 2002. Составители Олег Романов и Инна Федущак. Док № 4 (www.poshuk-lviv.org.ua/ru/zut/index1.htm).

¹⁷ www.poshuk-lviv.org.ua/ru/zut/index1.htm Док. № 6.

¹⁸ www.poshuk-lviv.org.ua/ru/zut/index1.htm Док. № 10 (ГАРФ. Ф.9413. Оп. 16. Д. 9. Л. 66-67).

¹⁹ Запдноукраїнська трагедія 1941 (Finesoul.ya.ru/replies.xml?tem_no=182).

²⁰ www.poshuk-lviv.org.ua/ru/zut/index1.htm Док. № 22; Dotyky s bolševizmom. Dok. 22. S. 125. Примечание 16

²¹ НКВД – МВД СССР в борьбе... Док. 22. С. 67-68.

²² О погромах см. подробнее: Габриэле Лессер, немецкий историк и политолог (www.jewish.ru/history/facts/2001/07/news7081.php); канадский исследователь Джон-Пол Химка (argumentua.com/stati/kholokhost-lvovskii-pogrom-1941-goda-nemtsy-ukrainskie-natsionalisty-i-karnavalnaya-tolpa); «Лехаим» - общественно-публицистический журнал (www.lechaim.ru/archiv/191/roman/htm).

²³ Dotyky s bolševizmom. Dok. 24. S. 134-135.

²⁴ Ibid. Dok. 21. S. 121; Dok. 23. S. 127; Dok. 28. S. 151; Dok. 30. S. 153-154; Dok. 31. S. 155.

²⁵ Ibid. Dok. 22. S. 124-125.

²⁶ Ibid. Dok. 25. S. 146; Dok. 26. S. 147.

²⁷ Ibid. Dok. 31. S. 156; Dok. 35. S. 162-163.

²⁸ Ibid. Dok. 54. S. 200.

²⁹ Ibidem.